

УДК 159.9

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ТЕХНИКИ «ХРОНОЛОГИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА» К ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭССЕИСТИКЕ

А. А. Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
“Киевский политехнический институт”*

Статью посвящено презентации рефлексивной техники «Хронологизация творческого процесса». Техника передвигается для выявления логики построения литературного текста в жанре философского эссе. Удатоку подано текст статті, створеної за допомогою даної техніки.

Ключові слова: рефлексія, літературне творчество, психоаналіз.

Проблематика изучения творческого процесса и литературного творчества в частности во многом сводится к поиску адекватного метода. Как известно, уловить специфические особенности и внутреннюю логику творческого процесса средствами внешнего наблюдения за творцом весьма затруднительно, а письменный самоотчёт творца недостаточно достоверен, поскольку в нём не могут быть представлены важнейшие бессознательные компоненты творческого акта.

Задачу данной статьи составляет презентация рефлексивной техники «Хронологизация творческого процесса», предназначенной для выявления логики построения литературного текста в жанре философского эссе.

Техника «Хронологизация творческого процесса» принадлежит к рефлексивным техникам, направленным на осознание учёным особенностей собственного творческого процесса. Она позволяет выявить индивидуальную стратегию актуализации различных аспектов рассматриваемой научной проблемы.

Основные принципы работы над литературным текстом в данной технике следующие:

- спонтанное творчество текстовых фрагментов в заданном темой содержательном направлении – без критики и отсева; при этом, учитывая жанровую специфику эссе как синтетического философско-художественно-научного текста, допустимо широкое жанровое разнообразие фрагментов;

- хронологизация данных фрагментов (фиксируется либо время их создания, либо очерёдность, в которой они появляются, при-

чём в обоих случаях можно говорить о хронологическом расположении, только на разных типах шкал – на Интервальной или ранговой соответственно);

- соединение ранее созданных фрагментов в связный текст посредством выполняющих интегрирующую функцию более поздних фрагментов; при этом важна ориентация на поддержание единства текста (установка на создание целостного произведения задаётся изначально); все связи между фрагментами также не избегают хронологической маркировки;

- оценка связности и целостности текста (состоялся ли текст как интеграция всех актуализовавшихся фрагментов?) может быть проведена посредством анализа формальных признаков (композиционная стройность, логичность изложения, успех проведения сквозной логики) и содержательных (полнота исследования проблемного предмета, оригинальность и осмысленность обращения к нему);

- работа с жанром философского эссе, есть основание выделять два аспекта связности и целостности текста: художественно-эстетический и философско-научный; какой-то из данных аспектов может доминировать в исследовании предмета эссе; другой аспект может представлять как играющую вспомогательную роль, а то и вовсе отсутствовать (так, проблема может быть изучена «лишь художественно», или «сугубо научно»);

- при изучении индивидуальных авторских стратегий построения эссе сравниваются две синтагматические логики: *финальная ло-*

гика повествования в получившемся *продукте* (эссе) и *логика спонтанной актуализации* фрагментов в творческом *процессе*.

Идея данной техники возникла у нас спонтанно – в период подготовки доклада к психоаналитическому симпозиуму «Психоанализ – невозможная профессия» (2008), проводимого Украинской ассоциацией психоанализа¹ в рамках ежегодной «Психоаналитической весны» – и была тут же воплощена². Как и большинство других докладчиков симпозиума (психоаналитиков), мы обратились к рассмотрению различных форм, версий, условий и смыслов невозможности психоанализа. В чём наш доклад решительно «перещеголял» все прочие – так это в самом количестве обнаруженных невозможностей, а также в их интенсивности. У других докладчиков убедительное рассмотрение двух-трёх невозможностей, как правило, вело к выводам, для психоанализа лестным и обнадеживающим. Не то вышло с нашим докладом, хоронившим психоанализ «не понарошку». Вопросов он вызвал мало. Вызвал удивление смелостью (от коллег по Международному институту глубинной психологии – МИГП), реплики поддержки, быть может, искренние. Запоздалой (высказанной на следующий день симпозиума) и не прямой (заочной по отношению к автору) реакцией от В.А.Мазина (питерского лаканиста, во многом определяющего идеологию симпозиума, УАП и МИГП, стало обвинение в антисемитизме.

Обратимся к историческому (жизненному) контексту ситуации, в которой была применена представляемая техника. В 2004 году, когда наше сотрудничество с МИГП только началось, мы (автор статьи) с интересом окунулись в новую для себя психоаналитическую среду, воспринимаемую в целом благодушно (люди делают важное дело, восстанавливают прерванную на отечественной почве традицию одной из школ психологии)... Несколько удивляло и казалось забавным лишь то, что слушатели МИГП *не считали* психоанализ школой психологии. Понимая, что этот прокол в их образовании связан с тем, что читаемый нами курс общей психологии в их узкой психоаналитической подготовке никак не затрагивался, мы стали разъяснять, каков тот более широкий контекст, в котором существует психоанализ. Однако вскоре выяснилось, что та

точка зрения, которая была нами принята за элемент невежества слушателей, является принципиальной позицией преподавателей. Эти люди считали психоанализ совершенно отдельной от психологии наукой! Притом среди них ведущую роль играло приглашаемое из Петербурга светило мирового психоанализа, истово ненавидящее психологию и очень обидчивое. Будучи представителем ненавидимой им науки – мы и вызвали гнев этого светила, причём не сами по себе, а очевидно, «в переносе».

Попытка дать психоаналитическому сообществу обратную связь от контактирующего с ним психолога, каковую коммуникативную задачу выполнили наши три доклада на ежегодных психоаналитических симпозиумах (2007, 2008, 2009 годов) имели следствием чёткое взаимное позиционирование. Из этих докладов в психоаналитическом журнале («Психоанализ»), освещающем материалы симпозиумов, был опубликован лишь первый, два последующих под различными предложениями не были пропущены. Напечатал журнал и рецензию на последний наш доклад (написанную безвременно ушедшим психоаналитиком А.Чувило) – но при этом вовсе не привёл текста самого предмета рецензии. Психоаналитическое сообщество, ориентированное на МИГП, тем самым продемонстрировало как готовность к устному диалогу (слово на симпозиумах для озвучивания докладов было предоставлено), так и полную неготовность к диалогу в печати.

Опыт применения техники «Хронологизация творческого процесса» в написании доклада «Труженики моря: парадоксы невозможной профессии» привёл нас к важным *выводам*:

- исходным пунктом творческого процесса у автора доклада было слабодифференцированное «смысловое облако» и ощущение, что есть много важного, что надлежит сказать, понимания, что потенции предложенной темы весьма велики, антиципация вероятной успешности начинания; первым актом смыслового структурирования доклада стала формулировка его названия «Труженики моря...»;

- результат творческого процесса был нами признан целостным и завершённым, состоявшимся как в философско-научном, так и в художественно-эстетическом аспекте; такой результат, по нашему мнению, говорит об известном единстве между спонтанно-бессознательными и осознанно-рациональ-

¹ В этих симпозиумах нам приходилось участвовать как преподавателю основанного данной ассоциацией Международного института глубинной психологии, в котором институте нам случилось оказаться единственным преподавателем *не-психоаналитиком* – и носителем *альтернативных психоанализу взглядов*.

² Текст доклада «Труженики моря: парадоксы невозможной профессии» приводится ниже – в Приложении.

ными компонентами творческого процесса у автора текста;

• говоря об *авторской стратегии* как очерёдности актуализации разноплановых фрагментов, вошедших в эссе, можно отметить следующую тенденцию: начинается творческая работа над темой с *метафор* явно *иронического* содержания, касающихся *частных аспектов проблемы* «психоанализ – невозможная профессия» (фрагменты 1-3), продолжается – свободной ассоциацией сперва с вычитанным в книгах сравнением, затем и с личным опытом автора (фрагмент 4), каковая ассоциация затем истолковывается опять же юмористически-метафорически (фрагмент 5); следующий фрагмент (6) – уже аналитического свойства и содержит обобщения мировоззренческого уровня; затем (фрагмент 7) следует ёрнический вызов адресатам текста (психоаналитикам), содержащий первую актуализацию в тексте определяемой условиями избранной техники творческой задачи; следующий фрагмент (8) представляет собой уже смысловую связку, подводящую к ранним – ещё не объяснённым, не рационализированным метафорам из начальных фрагментов (1-3); затем идёт обращение к новому мировоззренчески-значимому аспекту, в котором применяемая метафора тут же и объясняется (фрагмент 9); затем следует расширение смысла одной из ранних юмористических метафор (5) с привлечением ссылок на литературу (фрагмент 10); потом (во фрагменте 11) происходит метафорически-образное усиление позиций, заявленных в 6-м фрагменте, аналитическом по основному содержанию; в следующем фрагменте (12) реализуется более тонкая подводка к метафорам фрагментов 1-3; новый фрагмент (13) представляет рационально обоснованное использование метафор для раскрытия заявленных сторон темы; затем следует признания в опасениях относительно жанрового соответствия доклада (фрагмент 14); в дальнейшем фрагменте (15) содержится вводный, рамочный для доклада момент объяснения слушателям специфики метода его создания; затем уточняется операциональная сторона построения доклада (фрагмент 16). В следующих фрагментах (17, 18) идёт рациональное раскрытие важных аспектов темы, а в следующем за ними (19) – привлекаются ассоциативно связанные с повествованием данные из содержательно далёкой области; далее идёт метафора, иллюстрирующая выдвигаемые положения (фрагмент 20), и потом следует метафорически-насыщенная и эмоциональная связка (21). В

дальнейшем (фрагмент 22) привлекаются данные личного опыта взаимодействия с исследуемой областью. Фрагмент 23 содержит историческую справку с иронической эмоциональной окраской. Следующий (24) приводит исторические справки, ссылки на литературу; фрагмент же 25 привязывает к теме отдалённый от неё экскурс 19-го фрагмента. Во фрагментах 26 и 27 привлекаются новые, далёкие от традиционной психоаналитической области теоретические схемы. Фрагмент 28 даёт дополнительные разъяснения и уточнения к наименее «научно» сформулированным ранним фрагментам. Фрагмент 29 – вновь аналитичен и логичен в использовании метафор. Фрагменты 29а и 30 представляют (эстетическое по основной интенции) завершение доклада. Фрагмент 31 вновь представляет логическую связку и объяснение научно-философской сути заявленной проблематики, подводя логичный итог обнаруженных тенденций.

Приложение

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ:
ПАРАДОКСЫ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ
(Александр Бреусенко-Кузнецов)

У нас нет надежды, но этот путь наш.
Б.Гребенщиков

Вводная часть: возможность себя в теме

(15). Метод создания текста данного доклада можно обозначить как *свободно-ассоциативный – но в тематических пределах и с логической обработкой*, или же, как *индивидуальный брэйнсторминг на заданную симпозиумом проективную тему*. В нём важен намеренный отказ от метода анализа литературных источников и связанного с ним поиска конкретного контекста высказывания З.Фрейда о том, что психоанализ – невозможная профессия.

В период написания этого текста я не помню, в какой своей работе З.Фрейд называет психоанализ *невозможной профессией*, даже не вполне уверен, читал ли я её (если и читал, то данное утверждение не приковало моего внимания, прошло мимо)³. Если я и не читал об этой невозможности психоанализа как профессии, то определённо, – слышал в форме устной цитаты. Утверждение, что *психоанализ – невозможная профессия*, было одним из множества лейтмотивов в докладах

³ Методическая установка на незнание удобна тем, что не требует подтверждения знаний – и снимает лишнюю тревогу за достойный имидж своей «персоны».

и лекциях В.А.Мазина периода Киевской психоаналитической весны 2007 года.

Мне представляется более важным уяснение не того, что этими словами хотел сказать основатель психоанализа, а того, какой отклик вызывают данные слова, как на них откликаюсь я (je), – или Другой, обеспечивающий меня возможностью изъясняться речевыми знаками (вежливый кивок в сторону лаканизма). Мой текст, т.о., прежде всего о себе (нарциссический Я-текст); он создаётся от 1-го лица единственного числа.

В докладе на прошлом симпозиуме «Интерес к психоанализу» я использовал академическое местоимение «мы», чем вызвал недоумение редактора журнала «Психоанализ» в период подготовки его к печати: кто такие мы? Кто ещё за мной стоит? Это моё мнение или согласованное мнение преподавателей МИГП? Академическое «мы» вводит в текст условную *объективную точку зрения науки*, от имени которой, впрочем, вправе выступать каждый, кто способен изложить *свою позицию* научным языком.

Используя местоимение «я», я ввожу в поле рассмотрения свою *собственную психическую реальность*. Подобно тому, как З.Фрейд в своей версии этиологии неврозов 1897 года ушёл от опоры на травматический опыт реального соблазнения к признанию травмирующей силы фантазма (т.е., от опоры на внешнюю событийную детерминацию психики пациента к признанию её самодетерминации), я ухожу от вопроса о том, что на самом деле *подразумевалось*, к описанию того, что в данный момент *подразумелось*.

Как только я принял решение о написании данного текста доклада, мне явились яркие метафорические образы, которыми захотелось этот доклад усеять. Первым пришло название «Труженики моря». Понятно, почему: *море, как и подземелье, принадлежит к символике бессознательного*, но эти символические образы *по-разному аспектируются*. Оба образа характеризуются *глубиной*, но морская и подземельная глубина различны. В *подземелье* доминирует *стабильная структура, в море – текучая динамика либидо*. Подземелье представляет собой *полости в толще твёрдой породы, порой рукотворные*; море *тотально и естественно*. Подземелье – *бесстрастный мир смерти*, море – *живо и страстно*.

В докладе на прошлом симпозиуме мной эксплуатировалась метафора «подземного города» психоанализа (в которой подчеркивалась заданная структура, институционализа-

ция и установленная идеологическая диспозиция психоанализа). Сейчас, в связи с актуализированной симпозиумом темой *профессионального занятия*, уместен образ, предполагающий динамику (ведь в профессии человек не просто имеет и занимает рабочее место, но и что-то делает). В подземном городе психоаналитики живут, а в море – работают. Благо, от дома до работы недалеко: подземелье и море – одно и то же бессознательное.

В подземелье можно интеллектуально заблудиться, в море можно эмоционально утонуть. Вот и я, визуализируя море, не сразу почувствовал, что смогу эту стихию как-то структурировать. В период *появления* текст доклада был фрагментарен, как фрагментарен в психоанализе субъект. Я записывал возникающие метафоры и смеялся. Возможно, в смехе отыгрывалась тревога. Тревога о том, что я и сам не вполне осознаю, что же я пишу. Кто пишет о стихии, тот сам – стихия.

(14). В некоторый момент появилось опасение, что уравновесить пришедшие метафоры участками скучного наукообразного текста мне не удастся, что финальный текст скорее будет годиться для КВНа, или для «Комеди клуб», но не для уважаемого психоаналитического симпозиума.

(7). Ну что ж, говорю я психоаналитиком [в тот момент, как опасение появилось, обращаясь в будущее], если ваша профессия невозможна, послушайте мой невозможный доклад. Его фрагменты уже готовы – и научный доклад ничуть не напоминают. Посмотрим, удастся ли мне их логически увязать в нечто, ведущее к выводу. Включить, так сказать, механизм «вторичной обработки».

(16). С этого момента я пронумеровал фрагменты доклада в порядке написания – и нумеровал их далее, чтобы запутанная история сотворения данного текста не была утеряна.

Часть 1. Психоанализ как отрицание возможности

(6). Признание психоанализа невозможной профессией (*не-возможной профессией*) содержит как элемент психоаналитического кокетства, так и момент актуализации защитного механизма – *отрицания*.

По сути, сказано, что психоанализ – профессия возможная, а частица «не» добавлена лишь для отвода глаз мыслящих субъектов.

Что же в этом утверждении подвергается отрицанию? Отнюдь не то, что психоанализ – профессия. Отрицается только *возможность*

того, чтобы он был (считался?) профессией. Психианалитикам *свойственно во многих отношениях прибегать к отрицанию возможностей лучшего перед лицом некоторой «неумолимой» реальности.*

В пессимистическом психианалитическом взгляде на жизнь лишь то может быть признано реальным, что не слишком-то обнадеживает. Чем хуже, тем реальнее. Чем лучше, тем сомнительнее: похоже, что здесь замешано вытеснение.

(11). Все надежды – иллюзии Воображаемого. Подлинный ужас – из Реального. В нём разверзнута пропасть между частями Я, между плитами на дорожке, между атомами в дискретной атомистической картине мира. В этом мире из атомов и сам превращаешься в совокупность атомов, и, теряя защитную кристаллическую решётку, рискуешь провалиться сам в себя. Или, поскольку никакого обозримого сознанием тебя и в помине нет, в тебя проваливается кто-то Другой со всем своим Символическим порядком.

Страшно? То-то же!

(24). Ответ на данные психианалитические страхи приходит из тверди Воображаемого мира, онтологизированного архетипальной психологией (как происходящей от архетипических универсалий имагинативной данности). *Отрицание как попытка гносеологически озабоченного разума Просвещения преодолеть неупорядоченность души,* проявленная и в психианалитическом дискурсе, акцентирована Дж.Хиллманом, лидером архетипальной школы (своего рода Ж.Лаканом от постъюнгианства), в книге «Миф анализа»: «Почему развитие психологии происходило через тень психопатологии? ... Возможно, Век Разума достиг своих последних границ, границ самого разума – ума и его полного затмения. Свет, обратившийся теперь к самому себе, создал новую науку о разуме, психологию, и из тени разума – психопатологию. ...Возможно, вся безмерная энергия, затраченная на упорядочивание психической патологии, предназначалась для того, чтобы не допустить возникновения психических расстройств. Мы можем спросить, почему новые континенты души не получили более удачных названий? *Ир-рациональное и бессознательное, как и без-умный, – все эти названия имеют знаки-ярлыки отрицания, которые разум с ворчливым недовольством наклеил на то, чего сам не понимает. Каждый может назвать Уран или Нептун «не-Сатурном», Австралию – «не-Азией» [8, 171-172].*

Называя психианализ невозможной профессией, психианалитик занимается *самокритикой*, возможно, прибегая к защитному механизму «идентификации с агрессором» (причём агрессор, нападкам которого его Я подвергается, по преимуществу уже внутренний; в терминах 2-й топики З.Фрейда, это Сверх-Я). Родительской фигурой от мира науки, вошедшей в структуру Сверх-Я самого З.Фрейда, можно считать Э.Брюкке, а через него – всю культуру Просвещения и – шире – Нового времени.

(18) Самокритика психианалитика может оказаться сродни магическому оберегу. Отрицая возможность, её тут же и утверждаешь (Ни пуха, ни пера, так сказать!). Чего боится психианалитик, занимаясь этой самокритикой?

Возможность невозможности психианализа как профессии существует во множестве форм, различающихся мерой ужасности.

Невозможность психианализа как профессии, ужасная для *определённого* (несродственного с ней) *индивида* – или для всех.

Невозможность психианализа как профессии в *конкретном социуме* с его особыми установками – или *везде*.

Невозможность психианализа как профессии, *понятой определённым образом*, дарующая возможность за пределами такого понимания – или *окончательная* невозможность без надежды на всякую компенсацию.

Невозможность профессии психианализа как *внешнее пугало*, отсеивающее ненадёжных попутчиков – или как *глубинный (сущностный) страх*, в который посвящены избранные.

Невозможность психианализа как профессии в *трагическом сознании профессионалов* – или помимо их осознания, в *самой сути того, чем они занимаются* под видом профессии.

Невозможность психианализа как профессии – или *полная невозможность* психианализа.

Невозможность *некоей формы, модели психианализа* быть профессией – или *тотальная невозможность всяческих форм и моделей*.

Часть 2. Психианалитическая самокритика: оглядка профессионалов на взгляд из социума

(29) Самокритика – лучший способ застраховаться от критики. Сказал, что психианализ не вполне наука – и делай что хочешь. Сказал, что невозможная профессия, – и какие у кого могут быть претензии? А в узком

кругу единомышленников можно и честно сказать: *не наука*, потому что *больше, чем наука*; *не возможная профессия*, ибо *необходимая профессия*. Учение Фрейда всесильно, потому что оно верно.

Самокритика учения З.Фрейда направлена весьма узко, она – *жертвоприношение богам естественной науки*, страховка от ненависти её жрецов. Поставил в основу психической реальности явления биологического порядка – и биологи во главе с покойным учителем (Э.Брюкке) тебя не тронут (ведь ты – один из них, хотя и пользуешься для утверждения верного мировоззрения непонятными экзотическими методами). Всё, что сказано против психоанализа ригидными ревнителями чистоты психологии как экспериментальной науки, было не слишком оригинально (и заранее предсказуемо). *Наиболее серьёзной критикой психоанализа становится критика из гуманитарной области*, от которой автор психоанализа не застраховался (видимо, не слишком уважая не вошедших в *психоаналитическое Сверх-Я* носителей гуманитарного знания). Когда, истолковывая данные, полученные понимающим (герменевтическим) путём, З.Фрейд прибегает к объяснительным конструкциям, этому пути чуждым, он уязвим. К.Ясперс указывает на *экзистенциальную невозможность, с которой не считается психоанализ*: «Любая понимающая психология – в том числе и психоанализ ... должна иметь свои границы. Понимание останавливается прежде всего перед следующим непреложным обстоятельством: *эмпирическая совокупность характерологических принципов личности врожденна этой личности*. ... Далее, понимание останавливается перед непреложной реальностью *органических болезней и психозов*, перед тем, что в них есть *элементарного* ... Наконец, понимание останавливается перед непреложностью *экзистенции*: того, чем человек является на самом деле. Психоаналитическое озарение – это ложное озарение. Хотя экзистенция и не открыта для психологического понимания, она позволяет последнему ощутить себя, поскольку ставит перед ним границы там, где начинается нечто, обнаруживающее себя именно через неокончателность, незавершённость понимания. Психоанализ *не желал видеть* эти границы; он хотел понять всё» [12, 442-443]. «Ложность фрейдовских притязаний заключается в том, что *психологически понятные связи он принимает за причинные*, полагая, будто в психической жизни *всё* (то есть любое событие) доступно пониманию (то

есть осмысленным образом детерминировано). Можно согласиться с утверждением о безграничной причинности, но не безграничной понятности» [12, 651].

Важная невозможность обнаруживается и внутри самого процесса профессионального действия психоаналитика. Как резонно утверждает Р.Д.Лэинг, достоверность нашего знания об *осознанных личностью переживаниях* (мыслях, чувствах, мечтах и т.д.) опирается на нашу коммуникацию с этой личностью, идея же *бессознательного переживания*, эксплуатируемая психоаналитиками, оказывается подозрительной в плане *соскальзывания в естественнонаучный порядок рассмотрения*. В реальности коммуникативного процесса «психоаналитик – пациент» происходит следующее: «Когда Джек приходит к заключению о том, что Джилл «испытывает» определённые переживания, о которых она не догадывается, он предпринимает серьёзный шаг за пределы своего собственного впечатления о Джилл и за пределы переживания Джилл себя самой или её переживаний о нём. Джек не может гарантировать, что он не выходит за пределы своих переживаний и переживаний Джилл, отзеркаливаясь в свои собственные проекции» [5, с.24]. «Слишком многие, если не все психоаналитики носятся туда-обратно через вращающиеся двери на пороге феноменологии, и второй рывок удаляет их от любого рода науки настолько далеко, насколько это возможно. Помимо самой атрибуции действий, мотивов, намерений, переживаний, наличие которых сам пациент отрицает, существует ещё огромное множество слоёв сил, энергетических ресурсов, динамик, экономик, процессов, структур, при помощи которых можно объяснить «бессознательное» [5, с.28]⁴.

Ну да Бог с ними, с экзистенциалистами, их претензии к психоанализу внутри психоаналитического круга мало кого волнуют. *То, чего могут ожидать от отношения к себе социума психоаналитики* – вот что реально влияет на их *самоотношение*. Ожидания психоаналитиками отношения к себе – производная от их базисных фантазий на тему невозможности психоанализа как профессии (ну, а мне, не знакомому с фантазиями психоаналитика *изнутри*, остаётся лишь самому пофантазировать на данную тему).

⁴ Та версия термина «бессознательное», которую предлагает сам Р.Д.Лэинг, отправляется от тезиса о *расщеплении*, полагая, что один и тот же человек по-разному воспринимает разные вещи в зависимости от того, с кем он в данный момент общается. В присутствии некоторых людей, «умеющих найти подход», расщепление исчезает и память в какой-то мере открывается – но «проблема в том, что когда одни двери открываются, закрываются другие» [5, с.31].

(13). Человек, занимающийся невозможной профессией, способен вызвать к себе амбивалентное отношение профессиографов. С одной стороны, такого человека следует похвалить, *восхититься* его *трагическим героизмом* перед лицом невозможного занятия (*чудо невозможности психоанализа*). С другой стороны, его следует *обвинить в тунеядстве* – и пожурить за то, что силы и подготовку свою тратит на бесперспективное дело в ущерб делам полезным (*горе невозможности психоанализа*). Смещение к одному из полюсов амбивалентности зависит от конкретного контекста.

Чудо невозможности психоанализа – Эдипово чудо. Эдип, ещё до кровосмесительного воцарения в Фивах, совершает главный свой *героический поступок* – разгадывает загадку чудовища Сфинкс. Сфинкс низвергается в тартарары: Эдип разгадал загадку человеческого онтогенеза!⁵

Горе невозможности психоанализа – анальная патология. В длительности психоаналитической работы и в строгости терапевтических ритуалов психоанализа трудно не уловить присутствие *принципа навязчивого повторения*, на котором базируются обсессивно-компульсивные неврозы. Эти неврозы связываются с анальной фиксацией либидо.

Чудо психоанализа – в преодолении невозможного, горе – в непреодолении. Чуден поступок, беспросветен невротический ритуал.

(19). Кстати, *диалектика поступка и ритуала* – знакомая мне тема из *истории психологии* (как психологической науки). Поступковая историко-психологическая концепция В.А.Роменца признаёт поступок основной единицей психики, и делит его на компоненты: *ситуация* (совокупность условий поступка), *мотивация* (его движущие силы), *действие* (его реализация) и *последствие* (последствие для поступающего). Каждый период становления человеческой культуры в своём понимании психики делает акцент на тот или иной компонент поступка. Мифологический период, античность и средневековье, например, – на ситуацию. Ритуал до-историчен, как магическое воспроизведение мифологического первообразца действия, или первособытия, случившегося у начала времён. Индивидуально ответственный поступок появляется в эпоху античности – в первую *историческую* эпоху. Поступок героически преодолевает ритуал – и становится прецедентом для измене-

ния ритуала. Тогда же из мифа рождаются авторские формы культуры (искусство, философия, религия, наука, практическая форма).

(25). Поступок психоанализа состоит в открытии новой формы дискурса. Ритуал – в постоянном возвращении к однажды совершённой открытию в надежде на его неисчерпаемость. Ритуал как культурная форма уводит в детство человечества. Магические ритуалы отсылают к мифическим первособытиям, случившимся у начала времён. Первособытия психоанализа, как правило, – переозначенные древнегреческие, – и одно своё, рукотворное, из «Тотема и табу». Психоаналитик – атеист; он переживает вину не за крестные муки Христовы, а за то, что он сделал с отцом: *убил и съел*.

Человек невозможной профессии невозможен как профессионал. Каково это осознавать психоаналитику? Многие люди в возможных профессиях испытывают невозможность профессионального становления, но у тех хоть есть иллюзорные шансы. *Может, психоаналитик для своего воцарения у изголовья кушетки должен пройти инициацию уничтожением?*

Часть 3. Возможность психоаналитика перед лицом профессии

(26) Возможность психоаналитика по отношению к психоанализу есть его личная *потенция* «психоаналитического действия». Психоанализ представляет собой форму существования научной психологии, и я не вижу оснований, по которым к нему могли бы быть неприменимы онтологически обоснованные критерии потенциала бытия психолога в профессии.

В типологии «потенциала *познавательного* отношения психолога», предложенной И.П.Манохой, выделены такие типы: а) тип «врожденного сродства» профессии; б) тип «приобретаемого сродства» профессии; в) тип «ложного сродства» профессии; г) «профессионально-деструктивный» тип; д) тип, «отторгаемый профессией». В типологии же «потенциала *преобразующего* отношения психолога» И.П.Маноха выделяет типы: а) «постоянно пребывающий в состоянии психологического влияния»; б) «открывающийся психологическому влиянию»; в) «нейтрализующий психологические влияния»; г) «закрытый для психологического влияния»; д) «разрушающийся в психологическом влиянии» [6]. Рассматриваемый помимо своих ритуальных страхов, в реальности жизненного занятия, конкретный психоаналитик в данную типоло-

⁵ Формулировка загадки Сфинкса: «Кто утром ходит на четырёх ногах, днём – на двух и вечером – на трёх?»

гическую структуру легко вписывается. Кто-то «рождён быть психоаналитиком», кто-то обретает квалификацию упорным трудом, кто-то столь ригиден в своих действиях, что скорее дрессирует своих пациентов, чем понимает, кому-то психоанализ вообще не показан и т.д.

Часть 4. Возможность профессии перед лицом психоаналитика

(27) Феноменология переживаний психоаналитика по отношению к возможной невозможности собственной профессии мне непосредственно не дана; я буду о ней фантазировать. Поскольку восприятие невозможности чего-либо внутренне связано с феноменологией отчаяния, я считаю нужным мобилизовать типологию отчаяния С.А.Кьеркегора как отправной путь своих фантазий. Предтеча экзистенциализма различал следующие типы, рассмотренные в категориях сознания:

Отчаяние, не подозревающее о себе (самая беспросветная, неосознанная форма).

Отчаяние, сознающее своё существование, в форме, когда не желают быть собой (отчаяние-слабость).

Отчаяние, сознающее своё существование, в форме, когда желают быть собой (отчаяние-вызов) [3].

Психоаналитики, *не подозревающие о своём отчаянии*, бессознательны в своих действиях. О невозможности своей профессии они не задумывались, и если эта невозможность стучится к ним в сознание, то подвергается цензуре. Ответственность за свои терапевтические действия они вверяют старшим коллегам и лично Фрейду, сами же отвечают лишь за свою преданность психоаналитическим доктринам.

Вторая форма *отчаяния, при которой психоаналитик не желает быть собой*, проявляется в уподоблении психоаналитического действия какому-либо другому, воспринятому как более надёжное.

(21). Психоаналитик в растерянности: он утратил возможность. Не поможет ли ему симпатическая магия? Не может ли психоанализ как профессия быть наделён отсутствующей у него возможностью посредством аналогии с другой, гарантированно возможной профессией?

(4). Если профессия, то какая? Обращаюсь к свободному ассоциированию, и первой версией оказывается *стоматология*. Почему стоматология? Потому ли, что Жак Лакан в своих «Семинарах» пренебрежительно говорил о врачах-дантистах, подчёркивая своей метафорой: нет, мы, психоаналитики, не та-

кие!⁶ ... Потому ли, что К.Г.Юнг, напротив, указывал на сложившийся паттерн уподобления Фрейда стоматологу?⁷ ...

Почему ещё? (Сверхдетерминация психических актов в психоаналитическом подходе требует поиска не одной причины). Потому, что я сейчас, на момент написания данного текста, лечу зубы. Почти вылечил: вот-вот «психоанализ» прервётся – до следующего болезненного симптома, когда моё «сопротивление стоматологии» снова рухнет. Лечат мне зубы на удивление бережно и эмпатично. *В стоматологии вредны труда шахтёрского привычки*, как говорил я в одноимённом одностишии образца 1993 года. Вспоминаю случай лечения зубов семнадцатилетней давности (вот она, пошла – регрессия!). Году этак в 1991-м лечил мне зубы [впрочем, нет, не лечил, а устанавливал коронки] человек, внешне очень похожий на Зигмунда Фрейда. Я ещё фантазировал о том, осознаёт ли он своё сходство, или считает себя ни на кого не похожим. Это был амбициозный еврей из Полтавы, который в период очередного «голодомора» приехал покорять украинскую Столицу своим зубоанализом оральной полости. Пустил устную рекламу по киевским родственникам и знакомым: грядёт, дескать, мессия, коронки ставит. Недорого! И потянулся к нему люд с оральными проблемами. И ведь да – с проблемами в оральной зоне. Кариес подобен бессознательным травмам и наверняка связан с оральными фиксациями. Зубоанализ Фрейда из Полтавы предполагает связывание явлений естественного ряда (зубов) с искусственными эквивалентами (коронками).

Зачем я так надолго остановился на полтавском Фрейде? Когда он работал, я испытывал параноидные подозрения: мне казалось, что он разрушает мне немногие здоровые зубы, чтобы поставить на зубы убитые свои позолоченные коронки (ровно семь, как корон на головах мышинного короля). Память о нём пережила его творение: все семь золочёных куполов покинули свои рабочие места в течение ближайших к установке лет.

(5). Зубоврачебное кресло как аналог кушетки, манипуляции в ротовой полости, врач-стоматолог виден лишь фрагментарно, боко-

⁶ «Люди, того сорта, которых мы назовём, условно *дантистами*, твердо уверены в существовании миропорядка, поскольку полагают, что законы и процедуры ясного мышления изложены в *Рассуждении о методе* г-ном Декартом. Однако, его я *мыслью, следовательно я существую* – фундаментальный принцип для новой субъективности, – не так прост, как этим дантистам кажется, и находятся люди, готовые признать в нём чистой воды надувательство. Если правда, что сознание прозрачно для самого себя и осознаёт себя как таковое, то ясно, что я (je) не становится от этого для него прозрачнее. Оно не дано ему каким-то отличным от объекта способом. Восприятие объекта сознанием не даёт ему немедленного представления о его свойствах. То же самое характерно и для восприятия сознанием я» [4, с.12].

⁷ «Уже неоднократно Фрейда уподобляли зубному врачу, который, вызывая неприятные ощущения, безжалостно удаляет очаги кариеса. Сравнение это удачно, если только не рассчитывать, что затем будет поставлена золотая пломба. Фрейдова психология не предлагает ничего взамен удалённого вещества» [11, 339].

вым зрением, а его инструменты не видны вообще; регрессировавший пациент раскрывает рот, как голодный птенец, но вместо ласкового кормления из материнской позиции получает отеческую фрустрацию фаллическим предметом. Предметом, *вгрызающимся* в зуб – в инструмент, сам предназначенный, чтобы *грызть*. Вот вам преступление и наказание, агрессивное поползновение зубное – и кастрирующий удар инкорпорированного частичного объекта (по совместительству – механического предшественника Сверх-Я) изнутри по зубам. Бам!

(10). Кстати, перечитывая текст Лакана, отрицающего принадлежность психоаналитиков к «господам дантистам»... Лакан видел в психоаналитиках смелых революционеров, в корне отличных от обывателей от науки. Ой ли?

Психоаналитик – революционер? Не выглядит он таким. Разумеется, то, как он выглядит, принадлежит регистру Воображаемого. В зеркале мы не видим своего *je*, а только *moi*. *Moi* иллюзорно, соткано из фрагментов, омыто проекциями и интроекциями. Но ведь любая иллюзия не случайна, она по-своему, иллюзорно, выполняет чьё-то желание. Что за желание представлено в иллюзии несколько скованного преуспевающего благообразия? Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Нечего на *moi* пенять, коли *je* в глазах не блестит. Фрейд в Воображаемом регистре так же буржуазно благообразен, как и Ленин. Или так и должны выглядеть революционеры? Амбициозный человек, спонсируемый соседним отцом кайзером Вильгельмом в своих эдиповых начинаниях. Вторая из невозможных профессий, по Фрейду, – политика. И ведь точно: коммунист – не профессия, это зов сердца, или что-то там ещё в том же духе, одним словом, идеология. Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно... Научных коммунистов СССР в 1990 году массово переименовывали в политологов. Переименовали. Теперь они свободны от юридических обязательств перед идеологией. Им дали во всеильном Символическом регистре «возможную» специальность, и жизнь они могут прожить как с мучительной болью, так и без неё. Курсантам-политрукам из киевского морполита в том же регистре присваивали специальность военного психолога. В Символическом регистре в связи с революциями – всегда перерегистрации.

(8). Психоаналитики являются стоматологами, если их рассматривать с точки зрения внешних признаков профессии, внутри же они –

труженики моря. Именно так, согласно моей фантазии, должны воспринимать себя те психоаналитики, которые *отчаялись, но желают быть собой в профессии*.

(12). Современность как форма развития классики предстаёт в узнаваемых голосах. Попытаемся расслышать *голоса тружеников моря* сквозь шум волн и крики чаек. «Труженики моря – это для Вас сейчас профессия?» – спрашиваю я, и получаю ответы от трёх атлантических профсоюзов, поделивших в постфрейдовский период мировой океан.

(3). «У нас, лондонских докеров, сейчас – речные испытания плавательных объектов. Мы занимаемся тем, что пытаемся утопить в Темзе плохую грудь хорошей матери. Да вот незадача – реально притопить грудь не удаётся: она регулярно всплывает вместе с матерью – и доставляется к нам в Британское общество потерянных объектов агентством Ллойда».

(1). «А у нас, французских ловцов жемчуга, произошло разделение труда. Ныряльщики за ним ныряют, а выныривальщики с ним выныривают. Строго говоря, это разделение было и раньше. Когда я (*je*) нырял за жемчугом, то выныривало всегда – моё (*moi*). Выныривает всегда другой, который прикидывается мной (*je*), но отличается наличием жемчужины, которая мне не принадлежит. Возникает вопрос: кто кого поймал? Или я жемчужину, или она – меня. Если это жемчужина виновата, то куда она девала подлинного меня? Вот в чём вопрос-то. Всё это параноидной шизофренией пахнет, а вы: «профессия», «профессия»...».

(2). «Мы – профессионалы в душе. Не случайно именно мы занимаемся отправкой «Титаника», чтобы плыть через Атлантический океан в Соединённые штаты. Там мы надеемся стать подлинными профессионалами своего дела. Чтобы обеспечить непотопляемость «Титаника», необходимо, чтобы некоторая, *свободная от конфликтов* с айсбергами часть «Титаника» никогда не теряла связи с сушей, и не выходила в открытое море. Если эту часть «Титаника» оставить на суше, а другую отправить в Америку, то опасность встречи со злонамеренными айсбергами будет угрожать не всему судну, а только определённой части нижней палубы...».

(28) Впрочем, в отличие от двух первых групп тружеников моря (кляйнианцев и лаканистов, если кто не понял), третья (американская эго-психология) демонстрирует явный крен в «стоматологию». Привитие идеи адаптации к психоанализу, есть, определённно, род

отчаяния, при котором не хотят быть собой. В целях адаптации труженики моря выходят на сушу и начинают выполнять функции береговой охраны. Отсюда понятен призыв Ж.Лакана: «Назад в море» (т.е., разумеется, «Назад, к Фрейду»). Путь назад есть спасительная регрессия, путь вперёд – подозрительный прогресс. В этом прогрессе организмы, вышедшие на сушу, со временем адаптируются к новым условиям существования и забудут как море, так и своего царя морского. В устремлённом в прошлое психоанализе любой шаг вперёд превращается в отступничество от генеральной линии.

Часть 5. Внутренние невозможности психоаналитического процесса:

невозможность как запрет на отношения

(20). Существенными сторонами профессионального занятия психоаналитика есть *невозможность эроса и эрос невозможного*. Невозможность эроса – требование соблюдения магического ритуала, обеспечивающего возможность работы; эрос невозможного – нарушение данного ритуала в демоническом порыве иррациональной страсти. «Эрос невозможного», предложенный В.Ивановым как определение ницшеанского духовного настроения в России серебряного века, был затем вынесен А.Эткингом в название книги об истории психоанализа в России [9]. В этой книге целая глава посвящена анализу отношений К.Г.Юнга и С.Шпильрейна (происходивших, как раз, не в России). Отношение *правоверных психоаналитиков* (т.е. носителей фрейдовского по содержанию Сверх-Я) к их отношениям весьма аффективно заряжено. В фигуре Юнга для *правоверных психоаналитиков* соединены в причудливый узор практически все черты ужасного врага, таящегося в их собственных глубинах. Враг низок, беспринципен, похотлив; он слаб, так как поддаётся низменной похоти помимо своей воли. То ли дело – мы! Мы, если представится подобный случай, будем стоять как скала! Мы остановимся вовремя, наступим на горло низменным желанием, вынесем свои чувства на супервизию, если не поможет – в личный анализ, но сохраним своё доброе имя во славу великих предшественников! Мы покажем разжигающим нашу похоть дамочкам на кушетке, что психоаналитики не сдаются! Этот подход – своеобразное *психоаналитическое викторианство*. Психоаналитик, разрушая *субъекта рационального воления* вообще, сохраняет *иммунитет для себя*.

Даже среди *будущих психоаналитиков* распространён оценочный взгляд на личность Юнга сверху вниз, с высоты своего потенциально непоколебимого морального статуса. Мы, дескать, в открытое море ещё не выходили, но когда выйдем, то обязательно будем внимательными, и никогда не позволим набежавшей волне залить верхнюю палубу и смыть за борт рулевого: «Ведь ты моряк, Мишка, моряк не хочет!». Юнга психоаналитики видят сексуально потентным, несмотря на заслуженную им кастрацию. Ненависть к Юнгу, который позволил себе то, чего аналитики собираются себя лишать, и смел дальше заниматься терапией, связана с завистью к его *свободе невозможного*, с отчаянием своей *несвободы* («я на такое не решусь») и со *страхом возможной свободы* («а вдруг решусь?»), против которого остаётся уповать лишь на сомнительную веру во всемогущую сознательную волю. Они *боятся стать такими же, как Юнг* со всеми последствиями (как они смогут смотреть в глаза своим товарищам? Удастся ли им выжить в профессии?).

(22). Критические высказывания ряда слушателей МИГП на семинарах по «Тэвистокским лекциям», по моему мнению, иллюстрируют этот страх:

«Юнг – ренегат, предатель, и поэтому читать его неприятно».

«Юнг слишком понятен, интересно и легко читается, тогда как над текстами Фрейда засыпаешь. Ясное дело – в текстах Фрейда есть истина, которая вызывает сопротивление, а в текстах Юнга её нет».

«У Юнга всё то же, что и у Фрейда, а мы ожидали чего-то нового».

«Юнг вещает как ментор, он слишком заносится».

«Юнг не ценит своих пациентов. Почему он не остановил уходящего от него молодого человека, ведь его можно было удержать в анализе!».

«Юнг неправ. Почему он не направил своего пациента к какому-нибудь психоаналитику?».

«Как смеет Юнг что-то говорить о нравственности, когда он так надругался над Сабинной Шпильрейн?».

«Юнг в «Тэвистокских лекциях» упоминает о подавленной любви самого Фрейда к сестре своей жены. Как он мог унизиться до таких мелочных сплетен о великом человеке!».

Застрахован ли кто-то от совершения ошибок? Определённо – нет. Переносы и контрпереносы возникают и будут возникать обязательно. Находясь внутри «трансферент-

ных отношений» опознать их под этим ярлыком невозможно, поскольку *перенос – не феноменологическая, а объяснительная категория*. Человек сталкивается с чувствами, которые может обозначить термином «любовь», «влюблённость», «страсть» – и может им поверить. Только мощный интроект – *Психоаналитическое корпоративное Сверх-Я*, – требующий верить не в собственные переживания здесь и сейчас, а в тезис, что всякие подобные отношения заведомо трансферентны, заставляет психоаналитика под страхом отлучения оставаться в терапевтической роли.

Говоря об отношениях К.Г.Юнга и С.Шпильрейн в терминах переноса-контрпереноса, исследователи классифицируют нечто, чему сами свидетелями не были. Вопрос: «Как он мог не понимать, что у девушки перенос?» – предполагает большую осведомлённость спрашивающего, чем самого Юнга. Эта осведомлённость основывается на прочитанном, сам же Юнг имел дело с *живым явлением*, не обязательно вербализованным в главных его аспектах. Для меня несомненным является по крайней мере то, что у этой пары имело место пересечение отношений различных уровней: терапевтические, дружеские, профессиональные, – и что перенос в рамках терапии, стало быть, не может считаться единственной причиной их любовной связи.

Секс между участниками психотерапевтического процесса невозможен, поскольку он терапевтические отношения гарантированно разрушает. Нейтральность терапевта исчезает, терапевтические отношения прекращаются – и начинается праздник плоти. Что ж, это празднование – не худший способ прекратить терапию. Оно – акт жизни, и, как таковой, целесообразнее, например, суицида. Секс никак не может служить терапии, но он может быть лучше терапии; по крайней мере, последняя может быть хуже секса. В психоанализе эта логика не работает. Карл Густав и Сабина стали пугалом для психоаналитика – какой ужас, он с ней, похоже, спал! Как он мог? Воспользовался неопытностью бедной девушки! Где было его Сверх-Я?

Явление *контрпереноса* совершенно иначе расценивается аналитическим сообществом в зависимости от того, остаётся ли оно на уровне интенсивного любовного томления, или приводит к соприкосновению тел. Последнее страшно возможностью поимки с личным, тогда как первое может сколько угодно отрицаться, выливаясь в основание дли-

тельной аналитической созависимости. Последнее, к тому же, связано с *действенным* нарушением запрета, выходящим за пределы иллюзорных намерений «я бы...», спрятанных от чужих глаз в личной психической реальности.

В осуждении К.Г.Юнга психоаналитиками – не забота об эффективности терапии, а сила древних табу. *Сексуальные отношения пациента и психотерапевта в психоанализе наделены особенно интенсивной невозможностью, поскольку прямо выводят на запрет инцеста*. Если к терапевту клиент испытывает какие-либо чувства, то это перенос. Переносится отношение к родителю. Отношение к родителю заведомо сексуально. Стало быть, половой акт с терапевтом – это и есть секс с родителем. А с родителем – нельзя! Это регресс и вырождение⁸.

Часть 6. Внутренние невозможности психоаналитического процесса: невозможность психоаналитического родительства

(9). Психоанализ можно рассмотреть как *вид приёмного родительства*. Работа из родительской позиции с *инфантильным клиентом* (ибо всякого клиента делают инфантильным с терапевтической целью) даёт к тому все основания. Есть терапевты разные: дрессирующие, пророчествующие, драматизирующие. *Психоаналитик – родительствующий терапевт*.

Факт, что инфантильный период у пациентов психоанализа в терапевтической регрессии растягивается порой на долгие десятилетия – на куда более длительный срок, чем само их официальное детство. (Не в пример трансперсональной терапии, в которой клиента рожают на свет божий в кратковременном терапевтическом ритуале – и вскоре отпускают с миром).

Опыт, обретаемый в психоаналитическом процессе аналитиком – это *длительный опыт отстранённого родительства*. Отстранённого – ибо не дающего эмоциональной обратной связи.

Как психоаналитик – невозможная профессия, так и родитель в психоанализе – невозможная роль. Родительство, впрочем, невозможно не только в психоанализе, чему свидетельством – мой личный опыт попытки осознанного родительства и повседневные наблюдения детско-родительской коммуникации.

⁸ Любопытно, что *психоанализ родственников*, а не любовных партнёров некогда считался вполне допустимым. М.Кляйн анализировала своего сына, сам З.Фрейд вступил в «аналитический инцест» со своей дочерью Анной.

Проблемы нарциссического родителя. Рождение ребёнка как травма. Чувство несвободы. Фрагментация себя. Отдаёшь своё время. Ждёшь, когда вернётся полнота жизни. Консервируешь «на потом» важные сейчас дела и формы жизни, формируешь виртуальную реальность из непрожитого, отложенного. Прячешь от ребёнка значимые предметы, дабы сохранить их от уничтожения; в итоге – прячешь их от себя, вытесняешь из поля зрения, из поля памяти, из поля желания.

Проблемы невротического родителя. Стремление быть не простым «Достаточно хорошим родителем», а самым наилучшим. Вина за недостаточность усердия в выполнении материнской роли. Растворение, слияние с ребёнком посредством усердного служения его благу. Жизнь для ребёнка. Невозможность его отпустить. Короче, инцест.

Взрослые сильнее и безнадежнее деформированы, чем дети. Когда читаешь М.Кляйн и представляешь всю ту эквилибристику из проекций, интроекций, проективных идентификаций и расщеплённых объектов, которая ею и коллегами с большой подробностью описывается [2], невольно закрадываются сомнения: точно ли всё это выведено из клинического опыта детского психоанализа? Не предшествовала ли всем этим перемещениям расщеплённых объектов изнутри наружу и обратно одна базовая проекция: неблагополучного внутреннего мира самой М.Кляйн на психику изучаемых ею детей?

(17). У взрослого, ставшего родителем, – сужу по своему родительскому опыту – определённо присутствует расщеплённый образ ребёнка. Это и *хороший ребёнок* (послушный, ласковый, тянущийся к тебе, доброе и непосредственное существо), и *плохой ребёнок* (дьявольский деструктор, вызывающий гнев, ломающий значимые вещи, ломающий жизнь в целом). В такой расщепляющей целостного ребёнка установке присутствует рудимент обнаруженного психоисториком Л.Демозом культурного типа взаимодействия поколений, характерного для эпохи античности – инфантицида (убийства детей) [1]. «Расщепляет» ли нас ребёнок в ответ в своих фантазиях? Не знаю. Возможно, как чувствительное к нашим реакциям существо, он просто *фиксирует наши реальные расщепления*.

Основные конструкторы теории развития М.Кляйн, по-моему, сильно выигрывают в убедительности, если их перевернуть.

• *Параноидно-шизоидная позиция:* родитель наказывает плохого ребёнка. В своём целостном ребёнке он ограничивает плохую

часть, которую и бьёт, пугает, выгоняет. Он «выбьет из него это».

• *Депрессивная позиция:* родитель вспоминает, что его ребёнок представляет собой некоторую целостность – и смотрит, не сильно ли ему повредил, кормит сладким печеньем, разрешает смотреть мультики.

Откуда-то, может, из памяти, пришло словосочетание «комплекс Сатурна». Годится, впрочем, и название «комплекс Лая», по имени царя, чья воля к устранению опасного потомства пошла вразрез с фатумом. Кстати, комплекс Лая содержит не одну лишь сатурнианскую инфантицидную тему. Без Лая не было бы Эдипа. Если бы психоаналитик не проецировал на опыт клиента свои терапевтические ожидания, то ещё неизвестно, был бы Эдипов конфликт у невротиков столь повсеместно обнаруживаемым? Если этот новый комплекс неизвестен в психоанализе, значит, я его сейчас придумал.

(23). Впрочем, я в Институте глубинной психологии как раз преподаю аналитическую психологию К.Г.Юнга (и с ним ассоциируюсь), а К.Г.Юнг, помнится, уже предлагал психоаналитикам такой «анальный подарок» – идею комплекса Электры (мне, дескать, она не нужна, может, вам пригодится). Разумеется, такой подарок они с негодованием отвергли; да в 1913 году⁹ они бы и никакого иного подарка от него не приняли. Рационализация, с которой комплекс Электры был отвержен, лично меня не убеждает, т.к. напоминает отписку функционеров ЖЭКа: дескать, факты в мелочах не подтвердились. Дескать, в связи с тем, что позиция девочки по отношению к родителям имеет свои особенности по сравнению с позицией мальчика, а не одинакова, как думает Юнг, мы сохраняем для комплекса мальчиков и девочек одинаковый термин, а не разные, как предлагает Юнг. Насколько эта отписка неубедительна для внешнего психоанализу научного мира, показывают американские учебники по теории личности, в которых комплекс Электры ещё жив, и обозначает то же, что и женский Эдипов комплекс.

Вывод возможный и невозможный

(31). К чему мы пришли? К тому, что *идея психоанализа как невозможной профессии*, выдернутая нами из того контекста, в котором её выдвинул З.Фрейд, парадоксальным образом раскрывается во множестве контекстов, включающих *отрицающий характер психоаналитического мировоззрения, самокрити-*

⁹ Дата опубликования на немецком языке «Опыта изложения психоаналитической теории», в котором идея комплекса Электры была представлена (см. [10, с.89]).

ку как магическую форму выживания психоанализа в социуме, профпригодность психоаналитика, соответствие профессии его ожиданиям, формы существования психоаналитика в профессии – как экзистенциального отчаяния, внутренние ограничения и предписания психоаналитического процесса. Это вывод *возможный*, но недостаточный: он всего лишь обозначает основные вехи сказанного.

(30). Сделать достаточный вывод из парадокса – убить парадокс. Лучшим выводом, поэтому, будет вывод *невозможный*. Самый невозможный из выводов – открывающаяся в бесконечность цепь свободных ассоциаций.

(29а). «Эдип убил своего отца Лая», – сказал я некогда в лекции, которую читал студентам политехнического института. «Эдип убил своего отца, лая», – услышали те. Но так ли глупо то, что услышали они? Лай – способ общения с человеком одомашненной им собаки. «Лай» Эдипа – признак вхождения в

культурное пространство. Пациент на кушетке психоаналитика вынужден лаять свободными ассоциациями. Настоящий лай производится на вдохе, а не на выдохе: т.е., эта коммуникация, к тому же, направлена внутрь. Лай – устремляющийся внутрь ветер. Внутри человека – безбрежное море, в котором ветер перемен надувает паруса возможностей. Пока ветер на море гуляет, море вполне обходится и без тружеников. Когда же наступает штиль, Эдип записывается на приём к труженику-Лаю, и несёт туда своё оцепеневшее море. На приёме у Лая Эдип впервые узнаёт своё имя, и (в случае удачных трудов по исчерпанию моря решетом слов) получает вдобавок имя почётное: «Человек-Морской Волк» или «Человек-Сухопутная Крыса». На протяжении работы с тружеником моря Эдип убивает Лая в себе. Ведь это бессмертный отец, которого он убил и съел, сковывает его море льдом невозможного.

ЛІТЕРАТУРА

1. Демоз Л. Психоистория: Пер. с англ. / Л. Демоз. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
2. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе: Пер. с англ. / М. Кляйн, С. Айзекс, Дж. Райвери, П. Хайманн. – М.: Академический проект, 2001. – 512 с.
3. Кьеркегор С.А. Стах и трепет / С. А. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
4. Лакан Ж. Семинары. Кн.2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954-1955): Пер. с фр. / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Лого, 1999. – 520 с.
5. Лэйнг Р. Я и другие: Пер. с англ. / Р. Лэйнг. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 304 с.
6. Маноха И.П. Человек и потенциал его бытия / И. П. Маноха. – К.: Стимул, 1995. – 256 с.
7. Роменец В.А. Історія психології Стародавнього світу та середніх віків / В. А. Роменець. – К.: Вища школа. Головне вид-во, 1983. – 416 с.
8. Хиллман Дж. Миф анализа. Три очерка по архетипической психологии: Пер. с англ. / Дж. Хиллман. – М.: Когито-Центр., 2005. – 352 с.
9. Эткинд А. Эрос невозможного: история психоанализа в России / А. Эткинд. – СПб.: Медуза, 1993. – 464 с.
10. Юнг К.Г. Критика психоанализа / К. Г. Юнг. – СПб.: Академический проект, 2000. – 304 с.
11. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Дух Меркурий: Пер. с нем. / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1996. – 384 с.
12. Ясперс К. Общая психопатология: Пер с нем. / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – 1053 с.

Стаття надійшла до редакції 17.02.2011 р.